

Е. В. Бондаренко, Е. В. Молчанова

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Хронотоп, жанр и готорновский интертекст новеллы Ф. Сологуба «Снегурочка»

Бондаренко Є. В., Молчанова О. В. Хронотоп, жанр та готорнівський інтертекст новели Ф. Сологуба «Снігуронька». У статті аналізується поетика різдвяної новели Ф. Сологуба «Снігуронька» як репрезентативної для його символістської «календарної» малої прози. Доведено важливу жанротвірну роль у ній святочного хронотопу та інтертексту новели-казки американського романтика Н. Готорна «The Snow-Image» («Сніговичка»). Співставлення цих новел виявило лірико-філософський «зачин» новели Ф. Сологуба, який сприяє виникненню багаторівневої та багатозначної жанрової структури, характерної для лаконічної, але семантично ємної ліро-епічної малої прози російського символіста, з притаманним їй трагіко-іронічним пафосом та відсутністю моралізаторства.

Ключові слова: *новела, інтертекст, хронотоп, «календарна» проза.*

Бондаренко Е. В., Молчанова Е. В. Хронотоп, жанр и готорновский интертекст новеллы Ф. Сологуба «Снегурочка». В статье анализируется поэтика святочной новеллы Ф. Сологуба «Снегурочка» как репрезентативной для его символистской «календарной» малой прозы. Показана важная жанрообразующая роль в ней святочного хронотопа и интертекста новеллы-сказки американского романтика Н. Готорна «The Snow-Image» («Снеговичка»). Сопоставление этих новелл выявило лирико-философский «зачин» новеллы Ф. Сологуба, способствующий возникновению многоуровневой и многозначной жанровой структуры, характерной для лаконичной, но семантически емкой лиро-эпической малой прозы русского символиста, с присущим ей трагико-ироническим пафосом и отсутствием морализаторства.

Ключевые слова: *новелла, интертекст, хронотоп, «календарная» проза.*

Bondarenko I. V., Molchanova E. V. Chronotope, genre and H. Hawthorn's inter-text of the novel "The Snowgirl" by F. Sologub. The article focuses on the poetics of the Christmas story by F. Sologub "The Snowgirl" as a typical one for his symbolic 'calendar' minor prose. The crucial role of the Christmas Eve setting and inter-text of the tale-story by an American Romanticist H. Hawthorn "The Snow-Image" is demonstrated. The lyrical-philosophical exposition of the story by F. Sologub is analyzed by way of comparing these stories. The exposition stipulates the multilevel and multi-meaning genre structure inherent in the laconic but semantically rich lyrical-epic minor prose of the Russian symbolist with its characteristic tragic-ironical pathos and absence of moralizing.

Key words: *story, inter-text, chronotope, 'calendar' prose.*

Несмотря на довольно интенсивное исследование прозы Ф. Сологуба в последние десятилетия [2; 3; 5; 7; 9; 11; 15], следует согласиться с автором вступительной статьи к первому тому новейшего собрания его сочинений — С. Соложенкиной, которая справедливо полагает, что «Сологуб — не из тех писателей, которые, хотя бы и посмертно, позволяют исчерпать себя до конца. При видимой простоте, он многослоен и многозначен» [14:23]. Это в полной мере относится и к его «календарной» малой прозе, в основе которой лежат святочные истории. Среди таких «календарных» новелл писателя-символиста, как «Рождественский мальчик» (1905), «Ел-кич» («Январский рассказ») (1906), «Красногубая гостья» (1909), «Незамерзающий мальчик» (1916), на наш взгляд, следует рассматривать и «Снегурочку» (1908), которую

обычно интерпретируют лишь в контексте его литературных сказок и сказочек [15].

Так называемая «календарная» проза включала произведения, издание которых было приурочено к датам главных праздников христианского календаря — Пасхи и Рождества, а также близлежащего к нему времени Святок (двухнедельный период, начинающийся Рождественским сочельником — 24 декабря по ст. стилю — и оканчивающийся Крещением — 6 января по ст. стилю). Святочный рассказ в русской литературе восходил к двум источникам — народной традиции (устные истории и былички) и зарубежному образцу («Рождественские повести» Ч. Диккенса, которые в России начали переводить с середины 40-х годов XIX века) [1; 6].

Классическим стало определение жанра святочного рассказа, которое дал Н. С. Лесков

в «Жемчужном ожерелье»: «...Это такой род литературы, в котором писатель чувствует себя невольником слишком тесной и правильно ограниченной формы. От святочного рассказа непременно требуется, чтобы он был приурочен к событиям святочного вечера — от Рождества до Крещения, чтобы он был сколько-нибудь фантастичен, имел какую-нибудь мораль, хоть вроде опровержения вредного предрассудка, и наконец — чтобы он оканчивался непременно весело... Святочный рассказ, находясь во всех его рамках, все-таки может видоизменяться и представлять любопытное разнообразие, отражая в себе и свое время и нравы» [10:434].

К концу XIX — началу XX веков не только у беллетристов второго ряда, но и у каждого известного писателя (В. Г. Короленко, А. М. Горького, А. И. Куприна, Л. Н. Андреева, И. А. Бунина и др.) были свои вариации рождественского, святочного или же пасхального текстов [1]. В творческом наследии Ф. Сологуба «календарная» проза не составила отдельного сборника или цикла, она публиковалась разрозненно сначала в периодической печати, а затем попадала в его сборники и циклы малой прозы. Новелла Сологуба «Снегурочка» впервые была опубликована в газете «Речь» в 1908 году, а затем вошла в цикл «Книга превращений» (1914). Начиная с заглавия, в этой новелле, действительно, функционирует интертекст широко известной фольклорной сказки «Снегурочка». Поэтому читатель «серебряного века», знакомый не только со сказкой, но и, как правило, с ее литературной (драмой-феерией А. Н. Островского «Снегурочка», 1873) и музыкальной (оперой Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка», 1881) вариациями, сразу настраивался на восприятие сказочно-поэтической истории, а интерпретаторы сологубовского произведения по той же причине причисляли ее к литературной сказке.

В то же время, по замечаниям комментаторов прозы Сологуба [13:730], еще одним претекстом новеллы «Снегурочка» было произведение американского англоязычного писателя-романтика Натаниэля Готорна (Nathaniel Hawthorne) «The Snow-Image», вошедшее в сборник «The Snow-Image and Other Twice-Told Tales» (1851) («Снегурочка и другие дважды рассказанные рассказы»). Исследователи творчества Готорна пишут о его важной роли в создании американской малой прозы (в том числе и литературных сказок), в которой доминировали нравственно-философская проблематика и откровенная назидательность.

Его «Снегурочку» они характеризуют как рассказ или новеллу, в которых проявились тенденции, восходящие к фольклору, христианству и романтизму, причудливо взаимодействующие в мировосприятии американского писателя [8; 12]. Сказка Н. Готорна (в переводе С. Лихачевой — «Снеговичка») повествует о том, как братик по прозвищу Пион и сестричка по прозвищу Фиалка вылепили из снега девочку, которая ожила от тепла их рук, а затем была невольно погублена их отцом. Как показали исследователи, образы всех этих персонажей схематичны, аллегоричны и подчинены сказочной дидактике: «Фиалка — выступает аллегорией Скромности и Кротости, Пион — аллегорией того великого света, который, по верованиям квакеров, проникает в сердца людей и очищает их от греховности» [8].

Как протестант, Н. Готорн прославляет человеческий труд (равнозначный служению Богу и его прославлению), результатом которого становится ожившая Снегурочка. В то же время, как романтик он противопоставляет творческий акт создания снежной статуи детьми прагматическому труду их отца, в отличие от них и их матери, лишенного воображения и руководящегося лишь «здравым смыслом». Поэтому он невольно становится причиной гибели девочки-снегурочки, в чудесную природу которой не может поверить. Отец приводит ее к печке, чтобы согреть, подтверждая библейскую мудрость: «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

В финале звучит нравственная проповедь повествователя (*alter ego* автора), адресованная людям, которыми руководит здравый смысл: «Заметьте, это был один из тех редких случаев, что однако же порою случаются, когда здравый смысл нас подводит. Примечательная история снеговички, — пусть людям пронизательным, к числу которых принадлежит и достойный мистер Линдси, она показала бы детской чепухой, — тем не менее, включает в себе немало моральных уроков, что пошли бы им только на пользу. Так, например, один из выводов может сводиться к следующему: людям, в особенности же людям добросердечным, должно хорошенько подумать над тем, что они делают, и, прежде чем начать действовать из филантропических побуждений, доподлинно убедиться, что они постигли суть и условия данного явления. То, что почитается благом для одного, может оказаться абсолютным злом для другого» [4].

На фоне такого претекста очевидно своеобразие сологубовской вариации сходной

фабулы — он пишет не назидательные рассказы или литературную сказку, а *святочную новеллу*. Оживление снежной девочки размером с большую куклу, которую лепили мальчик Шурка и его сестра Нюрка, происходит на святки: «Приближались *святки*. Дни были морозны и снежны» [13:533], «—Сегодня сочельник, — объяснила Нюрка» [13:535] (здесь и далее курсив наш — Е. Б. и Е. М.). Поэтому детское желание слепить снежную куклу, с которой можно было бы бегать и играть, чудесным образом исполняется.

Для объяснения этого фантастического происшествия автор предоставляет три причины на выбор читателя: «Оттого ли, что это был сочельник, ночь святая и таинственная, — оттого ли, что крепко верили дети в то, что они сами придумали, — оттого ли, что чародейная сказка обвеяла тихий сад тайными очарованиями и влила в излепленный детскими руками мягкий и нежный снег непреклонную волю к жизни, творимой по творческой свободной и радостной воле, — но вот небывалое совершилось, исполнилось детское неразумное желание, — ожила белая Снегурочка и ответила Шурке нежным, хотя и очень холодным поцелуем» [13:538]. Таким образом, возможны три варианта истолкования «чуда» — сакральное время (был сочельник), чрезвычайно сильное желание и вера детей, или же (по Шопенгауэру, влияние философии которого, как уже было отмечено, испытывал Сологуб [11]) стремление творческой воли воплотиться в жизнь.

В «Снегурочке» Сологуб обращается и к теме творчества и искусства. При описании творческого акта создания снежной куклы повествователь говорит о том, что причина очеловечивания Снегурочки может быть сокрыта во влиянии каких-то потусторонних сил: «И уж как они только ухитрились, — уж не помогал ли им какой-нибудь добрый или злой дух, искусный в созидании тел, особенно там, где замысел жадно ищет возможности воплощения? — но Снегурочка под их быстрыми пальцами выростала как живая. И все черты, самые тонкие, возникали точно, словно лепилась из снега живая человекоподобная душа» [13:536].

Таким образом, сотворенное чудо могло быть инициировано не только добрыми, но и злыми силами, прокравшимися в подсознание невинных детей. В большинстве новелл Сологуба, в которых фигурируют существа из потустороннего мира, при их описании автор использует, в основном, зеленый цвет (зелененький елкич из одноименной новеллы,

жуткие огромные зеленоватые глаза у женщины-вампа из «Красногубой гостыи» и др.). Снегурочку же, как и героя святочной новеллы «Рождественский мальчик», автор описывает при помощи белого цвета (белое платье, белые башмачки, белая шапочка), символизирующего здесь не только потусторонность, но и холодность, мертвенность.

В финале новеллы родители Шурки и Нюрки, пытаясь отогреть «замерзшую девочку» у камина, губят ее. Дети всячески старались убедить родителей в чудесном происхождении их новой сестрицы и спасти ее, выпустив в родную ей стихию, на мороз. «Но взрослые всегда воображают, что они все знают лучше. Посадили Снегурочку в широкое мягкое кресло перед камином, где весело и жарко пылали дрова» [13:541]. Сологуб, подобно Н. Готорну, говорит о том, что дети пронительнее взрослых. Но этим нравоучительным выводом смысл святочной новеллы Сологуба не исчерпывается, поскольку охарактеризованному эпическому фрагменту произведения предшествовал лирико-философский, выполняющий кодирующую функцию «зачина».

Если новелла Н. Готорна начиналась с вполне традиционного для литературной сказки зачина («как-то раз на исходе морозного зимнего дня <...> после затяжного бурана» [4]), то первая же графически выделенная глава сологубовской новеллы представляет собой лирико-философскую миниатюру, *стихотворение в прозе* поэта-символиста. Здесь образ Снегурочки истолкован как символ высоты духа, соприродный иному миру, недостижимости мечты и быстротечности счастья: «И говорит нам *тот, кто знает*: — Таеет Снегурочка у наших очагов, под кровлею нашего семейного дома. Там, на высокой горе, где только чистое веет и холодное дыхание свободы, живет она, белоснежная. *Дети* просят: — Пойдем к ней, туда, на высокую гору. Улыбается *мать* и плачет» [13:532–533].

Показательно, что среди субъектов этого лирического диалога оказываются не только некто Добрый и Злой, но также дети и их мать, то есть персонажи *эпического* фрагмента новеллы. Сологуб говорит о том, что способность мечтать свойственна, в основном, детям и лишь немногие взрослые сохраняют крупинцы этой способности. Так, в следующей главе писатель заметит, что Анна Ивановна «была *мечтательная* и нежная в душе» (правда, тут же иронично добавит, «а по убеждениям была феминистка») [13:533]. Этот

поэтический «зачин» (как и в «Елкиче») задает тон всему последующему повествованию и высокий уровень осмысления святочной истории. Персонажи и сюжет новеллы Сологуба не схематичны и аллегоричны, а символично-многозначны. У Сологуба (в отличие от Н. Готорна и от канонов жанра святочного рассказа) снята социальная и религиозная проблематика и связанная с ними назидательность. На фоне новеллы Н. Готорна (которая скорее сентиментальна, чем трагична) очевиднее трагический и иронический пафос святочной истории Сологуба. Лиро-эпический вариант сологубовской «Снегурочки» не описателен, а концентрированно поэтичен и потому более лаконичен.

Интересен переход от лирической (концептуально обобщающей) части новеллы Сологуба к эпической. Субъект повествования сначала заявляет о себе как об одном из героев («опять *мы* были дети», «*Нас* было двое: мальчик и девочка» [13:533]), а затем создает эпическую дистанцию между собой и персонажами («Мальчика звали Шуркою, а девочку — Нюркою» [13:533]). Важно отметить, что Шурка больше был похож на отца, отличающегося рациональностью («мальчик практичный и рассудительный, весь в от-

ца»[13:535], а Нюрка — на мать, сохранившую некоторую долю творческого воображения, что предвещает повторение истории в будущем и указывает на ее архетипичность.

Лиризация и поэтизация текста новеллы Сологуба обеспечивается также за счет высокой степени его ритмизации. Автор достигает этого путем повтора соотносимых композиционных частей новеллы (маленьких, на одну страницу, главок), схожих синтаксических конструкций внутри этих главок (в их основе — краткие реплики диалогов), а также финала, варьирующего текст лирического «зачина» и возвращающего читателя к началу текста, закольцовывая его, заставляя воспринять как целое. Как уже говорилось, хронотоп новеллы четко обозначен автором и представляет собой скаральное время святок. Все это позволяет сделать вывод о том, что перед нами образец лиро-эпической святочной новеллы Сологуба, в которой важную роль играет интертекст известных фольклорной и литературной сказок. В цикле «Книга превращений» новелла «Снегурочка», как и другие «календарные» тексты Сологуба, участвует в структурировании его «рамки». Завершая цикл, она подытоживает его концептуально, а возвращая к названию, проясняет его семантику.

Литература

1. Баран Х. Дореволюционная праздничная литература и русский модернизм / Х. Баран // Поэтика русской литературы начала XX века: Сборник: Авториз. пер. с англ.; [предисл. Н. В. Котрелева; общ. ред. Н. В. Котрелева и А. Л. Осповата]. — М. : ИГ «Прогресс» — «Универс», 1993. — 368 с. — С. 284—327.
2. Бройтман С. Н. Федор Сологуб / С. Н. Бройтман // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов) : в 2 кн. Кн. 1 / РАН; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М. : Наследие, 2001. — С. 882—933.
3. Виноградова В. В. Декадансная трансформация новеллы в творчестве Ф. Сологуба и М. Арцыбашева / В. В. Виноградова // Вест. Новгород. гос. ун-та. Сер. : Филология. — 2009. — № 52. — Новгород, 2009. — С. 24—26.
4. Готорн Н. Снеговичка [Электронный ресурс] / Н. Готорн ; [пер. С. Лихачевой]. — Режим доступа : <http://www.litmir.net/br/?b=56086>
5. Дворяшина Н. А. Феномен детства в творчестве русских символистов (Ф. Сологуб, З. Гиппиус, К. Бальмонт) : автореф. дис. на соискание учен. степени докт. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / Нина Алексеевна Дворяшина. — Сургут, 2009. — 21 с. : ил.
6. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ : становление жанра / Е. В. Душечкина. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1995. — 258 с.
7. Келдыш В. А. О прозе Ф. Сологуба в свете русской классической традиции / В. А. Келдыш // Келдыш В. А. О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы / В. А. Келдыш. — М. : ИМЛИ РАН, 2010. — 512 с. — С. 149—162.
8. Козлова Г. Особенности христианского контекста сказки Н. Готорна «Снегурочка» [Электронный ресурс] // Парус. — № 27. 28.12.2013. Режим доступа : <http://litbook.ru/article/5551/>
9. Красильников Р. Л. Танатологические концовки в рассказах Ф. Сологуба / Р. Л. Красильников // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. — 2010. — Вып. 8. — С. 121—126.
10. Лесков Н. Жемчужное ожерелье // Н. С. Лесков Сочинения : В 3-х т. : Сочинения. Т. 2 : Повести и рассказы 1875—1887. — М. : Худож. лит., 1988. — С. 433—447.

11. Магалашвили А. Р. Рождественские мотивы в новеллах Ф. Сологуба и влияние на них философии А. Шопенгауэра [Электронный ресурс] / А.Р. Магалашвили. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://litved.narod.ru/rojtd.html>

12. Николаенко Н. А. Романтическая новелла Н. Готорна в жанровой системе русской литературы: проблемы рецепции проблемы рецепции : диссертация... канд. филол. наук : 10.01.01. — Томск, 2007. — 197 с.

13. Сологуб Ф. Собрание починений : в 6 т. Т. 3. Слаще яда : Роман. Рассказы / Сост., примеч. Т. Ф. Прокопова. — М. : НПК «Интелвак», 2001. — 736 с.

14. Соложенкина С. Л. Вступ. статья // Сологуб Ф. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. Тяжелые сны : Роман. Рассказы / Федор Сологуб; [сост., примеч. Т. Ф. Прокопова;]. — М. : НПК «Интелвак», 2000. — С. 5—24.

15. Чивликлий Г. Д. Реминисцентная семантика литературной сказки Ф. Сологуба : дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : 10.01.02 «Русская литература» / Галина Дмитриевна Чивликлий. — Днепрпетровск, 1996. — 153 с.